

В. БЫСТРЯНСКИЙ

**ЛЕНИН
ИСТОРИК**

**ИСТОРИЗМ
В ЛЕНИНИЗМЕ**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
19 ЛЕНИНГРАД 25**

В. БЫСТРЯНСКИЙ.

ЛЕНИН – ИСТОРИК

ИСТОРИЗМ В ЛЕНИНИЗМЕ



ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД

1925

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИКОМАИ
БИБЛИОТЕКА СССР
№ 26039 . 1972 г.



Гиз № 11117.
Ленинградский Гублит № 10862.
21/8 л. Отпеч. 10.000 экз.

Не приходится спорить о том, что ленинизм есть подлинный революционный марксизм, очищенный от тех оппортунистических искажений, какие претерпела во II Интернационале наиболее революционная в мире теория. Ленинизм и есть марксизм, вобравший в себя все богатство исторического опыта за время, протекшее со дня смерти К. Маркса и Ф. Энгельса. В применении Лениным выкованного Марксом и Энгельсом бесценного орудия диалектического материализма к эпохе краха капитализма и начала мировой социалистической революции пролетариата — и заключается существо ленинизма. Не подлежит сомнению и то обстоятельство, что учение Маркса-Энгельса исторично по самому своему существу. Сами его творцы видели в своем методе изучение явлений в процессе их развития и развития общества, в частности. Маркс в предисловии ко второму немецкому изданию «Капитала» сочувственно цитирует слова рецензента на первый том его творения, что для Маркса «важен закон изменения (явлений), их развития, т.-е. перехода от одной формы к другой; общих законов экономической жизни для Маркса не существует. По его мнению, напротив, каждый исторический период имеет свои законы». В своей известной статье об «Историческом Материализме» Энгельс употребляет это выражение «для обозначения того исторического мировоззрения, которое конечную причину и определяющую движущую силу всех важных исторических событий (разрядка наша) видит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в возникающем из этого распадении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собою».

М. Н. Покровский, в своем докладе «Маркс, как историк», подчеркнул, «что основатель диалектического материализма должен был быть прежде всего глубочайшим образом проникнут

историчностью, должен был быть историком во всем своем миропонимании»¹. «Марксисты не-историками, по моему глубочайшему убеждению, быть не могут, — говорит автор «Русской Истории». — Человек, который не умеет владеть историческим методом, не есть «марксист», ибо всякий общественный анализ начинается с анализа исторического».²

Историзм марксова учения подчеркивался и представителями буржуазной науки. Так, по словам Н. Н. Алексеева, у Маркса «абстрактные» категории политической экономии не могут быть представляемы на манер всеобщих истин теоретического естествознания, т.-е. безотносительно к условиям места и времени; напротив, они должны принадлежать некоторому конкретно-историческому комплексу, вне которого они теряют свое познавательное значение и превращаются в тавтологические утверждения. Политическая экономия имеет целью изучить систематическую связь экономических категорий не в «идее» и не «вообще», но в пределах некоторого конкретного экономического порядка. «Маркс решительно объявляет себя противником «вечных и неизвестных истин», в создании которых старая социальная теория полагала свою главную цель».

«Обладая формой естественной необходимости, эти экономические законы по существу своему не подобны законам механическим». «Формальная необходимость социальных законов проявляется только на определенной стадии исторического развития общества. В этом лежит отличие социальных законов от законов природы, необходимость которых проявляется во все времена и во всех условиях».

«Маркс берет из теоретического естествознания форму общезначимости его основных законов и старается соединить ее со своим, выросшим на почве философии Гегеля, историзмом».³

Из последователей Маркса и Энгельса никто не усвоил лучше их материалистической философии, как Ленин; она вошла к нему в плоть и кровь, стала для него второй природой. Неудивительно, что в марксизме Ленин подчеркивает проникающий его исто-

¹ «Вестник Социалистической Академии», кн. VI, 1923 г., 375.

² Ор. с. 383—4.

³ Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Часть первая. Москва. 1912, стр. 216—7.

ризм. В «Государстве и Революции» Ленин касается рассуждений о государстве в «18 брюмера Луи Бонапарта» и замечает по этому поводу: «верный своей философии диалектического материализма, Маркс берет в основу исторический опыт великих годов революции 1848 — 1851 гг. Учение Маркса и здесь, как и всегда, есть освещенное глубоким философским мирозерцанием и блестящим знанием истории подытожение опыта» (разрядка Ленина) (Собр. соч., XIII, 2, 319), — опыта исторического. Ленин подчеркивает, что «не логические рассуждения, а действительное развитие событий, живой опыт 1848 — 1851 гг., привели Маркса к формулировке положения о разрушении, уничтожении государственной машины, как задачи пролетарской революции». Маркс в высокой степени «строго держится на фактической базе исторического опыта», — подчеркивает Ленин (Собр. соч., XIV, 2, 321). Поэтому, в 1852 г. Маркс не ставит еще конкретно вопроса о том, чем заменить подлежащую разрушению железным молотом пролетарской революции государственную машину буржуазного государства, ибо опыт не давал еще материала для решения такого вопроса, поставленного историей на очередь дня позже, в 1871 г. Тщательному изучению подверг Маркс затем и опыт Парижской Коммуны. «Маркс, — говорит Ленин, — не только восторгался героизмом «штурмовавших небо», по его выражению, коммунаров. В массовом революционном движении, хотя оно и не достигло цели, он видел громадной важности исторический опыт, известный шаг вперед всемирной пролетарской революции, практический шаг, более важный, чем сотни программ и рассуждений. Анализировать этот опыт, извлечь из него уроки тактики, пересмотреть на основании его свою теорию, — вот как поставил свою задачу Маркс».

«Единственная поправка к «Коммунистическому Манифесту», которую счел необходимым сделать Маркс, была сделана им на основании опыта парижских коммунаров» (ор. с. 325); Ленин не перестает повторять, что учение Маркса выводится им из исторического опыта.

«Маркс вывел из всей истории социализма и политической борьбы, что государство должно будет исчезнуть, что переходной формой его исчезновения (переходом от государства к не-государству) «будет организованный в господствующий класс — пролетариат». Но открывать политические формы этого будущего

Маркс не брался. Он ограничился точным наблюдением французской истории, анализом ее и заключением, к которому приводил 1851 г. — дело подходит к разрушению буржуазной государственной машины.

«И когда массовое революционное движение пролетариата разразилось, Маркс, несмотря на неудачу этого движения, несмотря на его кратковременность и бьющую в глаза слабость, стал изучать, какие формы открыло оно» (ор. с. 342).

Весь марксизм есть не что иное, как подытоживание исторического опыта Запада. «Социал-Демократия в России складывается, целиком опираясь на опыт старших стран», т.-е. Европы, и на теоретическом выражении этого опыта, именно — марксизме», — писал Ленин в 1913 г. в «Социал-Демократе» (Собр. соч. т. XIX, 72). А этот опыт, — как не раз подчеркивал Ленин, — опыт исторический. Ленин был последовательным марксистом, он всю жизнь отстаивал подлинное революционное учение Маркса—Энгельса от ревизий, от оппортунистических извращений его «марксистами», à la Каутский; после Маркса и Энгельса не было лучшего марксиста, чем Ленин, — удивительно ли, что историзм марксова учения, исторический подход к процессу общественной жизни, умение подводить итоги историческому опыту — полностью перешли в ленинизм — последовательное развитие идей Маркса, приложение их к эпохе крушения капитализма и экспроприации экспроприаторов.

Перу Маркса и Энгельса принадлежит ряд блестящих исторических работ («Классовая борьба во Франции 1848 — 1849 гг.», «18 брюмера Луи Бонапарта», «Крестьянская война в Германии»), посвященных преимущественно «современной истории», по выражению Энгельса во введении к марксовой «Классовой борьбе во Франции». Энгельс указывает на трудности, неизбежные при разработке «истории текущего момента», — именно на невозможность «при суждении о событиях и группах событий современности дойти до последних экономических причин», ибо самые важные из них по большей части в течение долгого времени действуют в скрытом состоянии, пока, наконец, внезапно не найдут себе проявления», почему «ясная картина экономической истории данного периода не может быть приобретена, пока этот период еще не завершился». Все же работы Маркса и Энгельса являются шедевром материалистической историографии и до

сих пор остаются лучшими работами по соответствующим эпохам; несмотря на накопившиеся с тех пор груды фактического материала, ничего не приходится менять в данном Марксом и Энгельсом анализе событий — такова была пронизательность великих мыслителей, вооруженных бесценным оружием диалектического материализма.

Гений Ленина позволяет ему решать самую трудную для марксиста задачу — ориентироваться в современной истории, когда нет и не может еще быть налицо того фактического материала — статистического и документального, — который позволяет историку вскрывать подлинную физиономию давно минувших событий. Особенно трудной становится задача уяснения действительного смысла событий, сути живой ткани общественного развития в период революции, с ее неожиданными поворотами, быстрой сменой событий, крутой ломкой старины. И ни в чем, может быть, так ярко не проявлялся гений Ленина, как в том, что он, подобно Марксу, умел и в эпохи революций — локомотивов истории — схватывать движущие пружины развития, учиться у истории, подмечать форму и характер каждого нового звена в исторической цепи, за которое должна ухватиться партия передового класса, чтобы воздействовать на ход развития для осуществления поставленных ею себе целей. Формулировки, которые давал Ленин последовательным фазам исторического процесса, и тактика, которую он строил на основе учета объективного положения, почти всегда оправдывались событиями. Свои ошибки Ленин сам не боялся признавать, — он делал это первый, — но они исчисляются единицами. К политике и партиям применимо — с соответственными изменениями — то, что относится к отдельным людям. «Умен не тот, кто не делает ошибок — таких людей нет и не может быть, — умен тот, кто делает ошибки не очень существенные и умеет легко и быстро исправлять их» — говорит Ленин в своей гениальной «Детской болезни «левизны» в коммунизме». «Ошибкой, хотя и небольшой, легко исправимой, был уже бойкот «большевиками» Думы в 1906 г.» (Собр. соч., XVII, 128). «Русский опыт дал нам одно удачное и правильное (1905), другое ошибочное (1906) применение бойкота большевиками» (Собр. соч., XVII, 152), но эту «ошибку» большевики исправили: Ленин, учитывая опыт витевской Думы, указывал, перед выборами во вторую Думу, что теперь необходимо по-новому поставить вопрос об участии в Думе.

Если Ленин не писал исторических работ в стиле названных выше работ Маркса-Энгельса, все же его сочинения являются настоящим кладом познания для исследователя судеб России на рубеже XIX и XX столетий. Труды Ленина по аграрному вопросу — «Развитие капитализма в России», «Аграрный вопрос в России к концу XIX века» и др. вскрыли процесс экономического развития нашей страны, создавший базу для победы в России революции. Но не эти его работы по экономике, проливающие свет на важнейшие вопросы экономической истории, мы, главным образом, имеем в виду. Величайшее дело Ленина состоит в выработке тактики и стратегии пролетариата в эпоху революции, в выковке основного стержня «новой науки» — науки освобождения человечества (Л. Б. Каменев. «Литературное наследство и собрание сочинений Ильича»). Наиболее оригинальное создание Ильичевского гения — это его революционная политика.

И вот, его публицистические статьи на темы дня лучше всего показывают, насколько исторична была мысль Ленина. Мы не говорим здесь о массе драгоценных исторических характеристик эпох, событий и лиц, разбросанных по сочинениям Ленина, — исследователи дела его жизни займутся ими подробно, а историки России будут черпать в них руководящую нить для понимания истории нашего времени, — мы имеем в виду специфически исторический подход Ленина к проблемам политики. Ленин — гениальнейший тактик и стратег пролетарской революции, величайший революционный вождь всех эпох, первый государственный человек социализма — в области политического руководства борьбой пролетариата за коммунистический строй оставил нам непреходящие достижения. Политика Ленина выдержала великую историческую поверку — поверку опытом двух революций. «Нужна проверка настоящая, — говорил Ленин 27 марта 1922 г. в докладе о деятельности ЦК РКП на XI съезде. — Нужна проверка настоящая, да проверка не такая, что ЦКК исследует и вынесет порицание, а ВЦИК назначит взыскание — нет, а проверка настоящая» (Собр. соч., XVIII, 2, 31). Если эту проверку фактами самой действительности, ходом общественного развития и выдержала блестяще ленинская тактика, то именно потому, что Ленин умел, как никто другой, ставить любой политический вопрос на конкретную историческую

п о ч у, как он говорит о революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства в статье «Цель борьбы пролетариата в нашей революции» («Социал-Демократ» III — IV, 1909; Собр. соч., XI, 1, 222). «Всякий, кто желает дать прямой и ясный ответ на этот вопрос, — говорит Ленин, — должен считаться с опытом 1905 г.» (Собр. соч., IX, 531). «Прямое рассмотрение этого опыта и является исходной точкой политика; только учитывая конкретные примеры из опыта 1905 г., сможет он установить «цель борьбы пролетариата в революции» и пути, ведущие к ее достижению. Ленин не перестает предостерегать против абстрактной постановки вопросов практической политики. Требуя «конкретного учета конкретных интересов конкретной эпохи», Ленин твердо памятовал основное положение материалистической диалектики, что абстрактной истины нет, истина всегда конкретна, — как никто другой, умел он разбираться в основном содержании «быстротекущей жизни». «Всякий данный момент, новый момент прибавляет ко всем основным, всеобщим, первостепенным и важнейшим задачам революционной социал-демократии (как назывались до марта 1918 г. большевики. В. Б.) — новые специфические задачи. Разрешение их требует от людей не только повторения заученных лозунгов, а некоторой инициативы, гибкости ума, самостоятельной работы над оригинальной исторической задачей» (Собр. соч., XI,—2, 308) — писал Ленин в 1909 г., полемизируя с отзывистами, не понимавшими, что своеобразные условия эпохи торжества контр-революции диктуют задачу революционно-социал-демократического использования черносотенной Думы. В марте 1906 г., в статье «Русская Революция и задачи пролетариата», Ленин, разбирая вопрос, «каково положение демократической революции в России, разбита ли она, или мы переживаем лишь временное затишье», протестует против «жалких уверток, подмены конкретного исторического вопроса абстрактными соображениями, которые ровно ничего не выясняют» (Собр. соч., VII, 1, 73).

Полемизируя в 1906 г. с Плехановым по вопросу об отношении к кадетам, партии либеральной буржуазии, Ленин указывает на отсутствие исторического подхода к вопросу у автора «Наших разногласий». «Ошибка Плеханова состоит в подмене конкретного исторического вопроса абстрактным соображением. Это — во-первых. А во-вторых, ошибка т. Плеханова состоит

в совершенно не историческом воззрении его на буржуазную демократию в России. Плеханов забывает, как меняется положение различных слоев этой буржуазной демократии по мере того, как идет вперед революция. Чем выше поднимается революция, тем быстрее отпадают от нее наименее революционные слои буржуазии. Кто не понимает этого, тот ничего не сумеет объяснить в ходе буржуазной революции вообще. Два примера в пояснение сказанного:

«Маркс в 1847 г. поддерживал самую робкую оппозицию немецкой буржуазии против правительства. В 1848 г. он беспощадно свирепо клеймил и смешивал с грязью очень радикальных немецких кадетов — гораздо более левых, чем наши кадеты — которые вели органическую работу во франкфуртском парламенте, уверяя весь мир, что эта органическая работа имеет наибольшее агитационное значение, и не понимая неизбежности борьбы за реальную власть. Изменил ли Маркс себе? Перешел ли на другую точку зрения? Впал ли в бланкизм (как думают бернштейнианцы и немецкие либеральные профессора)? Нисколько. Революция ушла вперед. От нее отстали не только немецкие «шиповцы» 1847 г., но и немецкие кадеты 1848 г. Как верный страж интересов передового класса, Маркс беспощадно бичевал за отставание и именно тех, кто всех влиятельнее был из отставших.

«Ссылаясь на Маркса, Плеханов извращает Маркса.

«Второй пример:

«В 1903 г. и даже раньше, в 1901 — 1902 гг., старая «Искра» поддерживала «шиповцев», т.-е. тогдашних робких либеральных земцев, выставявших вместе с г. Струве лозунг «право и властное земство». Шла вперед революция, и социал-демократы переходили, так сказать, от оппозиционных верхов буржуазии к революционным низам ее. Шиповцев они «травили» за неясное требование конституции, конституционалистов — за игнорирование всеобщего и т. д. избирательного права, признававших это последнее — за непризнание революции и т. д. по мере развития, расширения и углубления всего демократического движения. Изменили ли себе революционные социал-демократы, если от поддержки оппозиционных «шиповцев» в эпоху 1901 — 1902 гг. перешли к поддержке революционных крестьян в 1905 — 1906 гг. Нисколько. Они остались верны себе» (Собр. соч., III, 1, 278). Действительно марксистский подход к вопросам политики, свой-

ственный Марксу и Ленину, требует определения своеобразия данного исторического момента и видоизменения тактики соответственно перемене исторической обстановки.

Плеханов же не умеет разобраться в историческом своеобразии российской революции, он не пытается дать «точного разбора конкретных данных об интересах и положении различных классов в русской революции» (Собр. соч., VIII, 82); он оперирует общим шаблоном «буржуазной революции», революционных движений Запада 1789 — 1849 г., не задумываясь над историческими особенностями русского революционного процесса. Общая фраза — «буржуазная революция» — заменяет для Плеханова исследование конкретного исторического процесса. «Разве это не подделка? — спрашивает Ленин. — Разве это не явная насмешка над историческим материализмом Маркса? (ib.)» «Перед нами образчик метафизики, против которой Плеханов любит изящно декламировать, не умея изгнать ее из своих собственных конкретно-исторических рассуждений» (Собр. соч., VIII, 81). Ленин не подменяет конкретного исторического анализа соотношения классов в России в 1905 — 1906 гг. общими фразами о буржуазной революции: наоборот, он ставит свою политику на твердую почву учета объективного положения данного момента во всем его конкретном своеобразии и поэтому умеет начертать правильную тактическую линию пролетариата в революции.

Уроки истории — как всей истории революционного движения на Западе и в России, так в особенности истории современности — лежали в основе тактики Ленина. Но нужно было быть Лениным, чтобы суметь эти уроки учесть. Как Маркс учился у истории 40-х — 70-х гг., так Ленин учился у истории последнего десятилетия XIX века и первых десятилетий XX века. О специфической задаче данного момента, нового момента, Ленин говорит: «Как всякая новая задача, эта задача кажется труднее других. Но на самом деле эта задача особенно трудной может казаться только неумеющим самостоятельно мыслить и самостоятельно работать людям; на деле эта задача, как всякая специфическая задача момента, легче других, ибо ее разрешимость лежит именно в условиях данного момента» (Собр. соч., XI, 1, 308). Для формулировки этой легкой, по выражению Ленина — специфической, задачи момента нужно было, однако, иметь гений Ленина. — «Zwar ist es leicht, doch ist das leichte Schwer», — как говорится

в гетевском Фаусте. Ленин стал великим политиком пролетариата как раз потому, что умел прислушиваться к живому пульсу истории, учиться у нее. «Будем же шире разворачивать нашу работу и смелее ставить свои задачи, учитывая уроки великих дней российской революции» — так подытоживал в августе 1906 г. «уроки московского восстания» Ленин (Собр. соч., VII, 2, 47).

«Усвоение опыта декабрьского восстания — насущная задача партии», — говорит Ленин, и рисует ход развития форм борьбы русской революции.

«От стачки и демонстраций к единичным баррикадам. От единичных баррикад к массовой постройке баррикад и к уличной борьбе с войском. Через голову организаций массовая пролетарская борьба перешла от стачки к восстанию. В этом величайшее историческое приобретение русской революции, достигнутое декабрем 1905 г., приобретенное, купленное, как и все предъидущее, ценой величайших жертв. Движение поднято с всеобщей политической стачки на высшую ступень. Оно заставило реакцию дойти до конца в сопротивлении и тем приблизило в гигантской степени тот момент, когда революция тоже дойдет до конца в применении средств наступления» (VII, 2, 48).

В замечательной статье «Партизанская война» Ленин ставит общий вопрос об отношении марксизма к формам борьбы пролетариата. Марксизм, по его словам, признает самые различные формы борьбы, при чем не выдумывает их, а лишь формулирует те формы борьбы революционных классов, которые возникают сами собой в ходе движения, — марксизм требует самого внимательного отношения к идущей массовой борьбе.

«Марксизм в этом отношении у ч и т с я, если можно так выразиться, у массовой практики, далекий от претензии у ч и т ь массы выдумываемым кабинетными «систематиками» формам борьбы. — Мы знаем, — говорил, например, Каутский, рассматривая формы социальной революции, — что грядущий кризис принесет нам новые формы борьбы, которых мы не можем предвидеть теперь.

«Во-вторых, марксизм требует безусловно и с т о р и ч е с к о г о рассмотрения вопроса о формах борьбы. Ставить этот вопрос вне исторически-конкретной обстановки — значит не понимать азбуки диалектического материализма. В различные моменты экономической эволюции, в зависимости от различных

условий политических, национально-культурных, бытовых и т. д., различные формы борьбы выдвигаются на первый план, становятся главными формами борьбы, и в связи с этим, в свою очередь, видоизменяются и второстепенные, побочные формы борьбы. Пытаться ответить да или нет на вопрос об определенном средстве борьбы, не рассматривая детально конкретной обстановки данного движения на данной ступени его развития — значит покидать совершенно почву марксизма» (VII, 2, 78).

Затем Ленин прилагает эти общие положения к учету опыта нашей революции.

«Установив общие положения марксизма, перейдем к русской революции. Припомним историческое развитие выдвинутых ею форм борьбы. Сначала экономические стачки рабочих (1896 — 1900 гг.), затем политические демонстрации рабочих и студентов (1901 — 1902 гг.), крестьянские бунты (1902 г.), начало массовых политических стачек в различных комбинациях и демонстрациях (Ростов, 1902 г.), летние стачки 1903 г., 9-е января 1905 г., всероссийская политическая стачка с местными случаями баррикадной борьбы (октябрь 1905 г.), массовая баррикадная борьба и вооруженное восстание (декабрь 1905 г.), парламентская мирная борьба (апрель — июнь 1906 г.), военные частичные восстания (июнь 1905 — июль 1906 гг.), крестьянские частичные восстания (осень 1905 — осень 1906 гг.)» (Собр. соч., VII, 2, 79).

Отсюда у Ленина чисто исторический подход к проблемам тактики. «Социал-демократия не знает универсальных средств борьбы, таких, которые отгораживали бы пролетариат китайской стеной от слоев, стоящих немного выше или немного ниже его. Социал-демократия в различные эпохи применяет различные средства, в с е г д а обставляя применение их с т р о г о определенными идейными и организационными условиями» (Собр. соч., VII, 2, 84).

После разгона первой Думы летом 1906 г., Ленин указывает, что социал-демократы левого крыла должны подвергнуть пересмотру вопрос о бойкоте Государственной Думы. Ленин отмечает коренной грех оппортунистов, ограничивающихся применением ко всем случаям общего шаблона, снятого с особого периода германского социализма.

«Мы должны использовать представительные учреждения — Дума есть представительное учреждение, — следовательно, бой-

кот есть анархизм, и надо идти в Думу. Таким детски-простым силлогизмом исчерпывались всегда все рассуждения на эту тему наших меньшевиков и в особенности Плеханова. Резолюции меньшевиков о значении представительных учреждений в революционную эпоху (см. № 2 «Партийных Известий») чрезвычайно рельефно показывают этот шаблонный антиисторический характер их рассуждений.

«Наоборот, революционные социал-демократы центр тяжести вопросов переносили именно на внимательный учет конкретной политической ситуации. Нельзя охватить задач русской революционной эпохи посредством списывания с немецких шаблонов, односторонне взятых с последнего времени, при забвении уроков 1847 — 1884 гг. Нельзя ничего понять в ходе нашей революции, если ограничиваться голеньким противопоставлением «анархического» бойкота социал-демократического участия в выборах.

«Учитесь-ка у истории русской революции, господа!

«Эта история доказала, что бойкот булыгинской Думы был единственно правильной тактикой, которую всецело подтвердили события» (Собр. соч., VII, 28 — 29).

Но история дает все новые уроки, обогащая нас новым опытом. И Ленин не боялся их формулировать даже тогда, когда, казалось, они стояли в противоречии со старыми лозунгами.

«Но, безусловно отвергая малодушные и близорукие покаянные речи, отвергая глупенькое объяснение бойкота «молодым задором», мы далеки от мысли отрицать н о в ы е уроки кадетской Думы. Была бы педантством боязнь открыто признать и учесть эти новые уроки. История показала, что, когда собирается Дума, то является возможность полезной агитации изнутри ее и около нее, — что тактика сближения с революционным крестьянством против кадетов возможна внутри Думы. Это кажется парадоксом, но такова, несомненно, ирония истории: именно кадетская Дума особенно наглядно показала массам правильность «анти-кадетской», скажем для краткости, тактики. История беспощадно опровергла все конституционные иллюзии и всю «веру в Думу», но история безусловно доказала известную, хотя и скромную, пользу такого учреждения для революции, как трибуны для агитации, для разоблачения истинного «нутра» политической партии и т. д. Отсюда вывод. Смешно было бы закрывать глаза на действительность. Теперь как раз наступило время,

когда революционные социал-демократы должны перестать быть бойкотистами. Мы не откажемся пойти во вторую Думу, когда (или «если») она будет созываться. Мы не откажемся использовать эту арену борьбы, отнюдь не преувеличивая ее огромного значения, а, напротив, всецело подчиняя ее, на основании данного уже историей опыта, другого рода борьбе — посредством стачки, восстания и т. п.» (Собр. соч., VII, 2, 31).

В декабре 1906 г. Ленин полемизирует с т. Лариным (тогда меньшевиком) в статье «Кризис меньшевизма». Ларин, — говорит Ленин, — ничего не понял в истории нашей революции. «В том-то и беда Ларина, что он совсем не в состоянии переварить того материала, который дает социал-демократу наша революция» (Собр. соч., VIII, 39).

«Рассуждения Ларина о формальном восстании — самое неприличное для социал-демократии невежество в и с т о р и и переживаемой революции или игнорирование этой и с т о р и и с ее особыми формами восстания. Тезис Ларина — «русская революция не идет путем восстания» — есть насмешка над фактами, ибо оба периода свобод в России (и октябрьский и думский) показали именно «путь восстаний», конечно, не американских и не польских, а русских, эпохи XX века. Рассуждая «вообще» об исторических примерах восстаний в странах с преобладанием деревенских или городских элементов, об Америке и Польше, и отказываясь от малейшей попытки изучить или хотя бы наметить особенности русского восстания, Ларин повторяет коренную ошибку «неуверенной и робкой» мысли меньшевизма» (Собр. соч., VIII, 36). Чтобы наметить правильную тактическую линию, политик должен понять исторический процесс развития во всем его своеобразии, но этого-то как раз и не умеют делать неудачливые стратеги, претендующие на руководство рабочим классом.

В статье «Платформа революционной социал-демократии» Ленин комментирует проекты резолюций, вносимые большевиками на V съезде партии. Он подчеркивает, что дело революционной партии рабочего класса — подводить итоги историческому опыту.

«Мы думали, что в особенности в революционные эпохи социал-демократия должна на своих съездах подводить итоги периодам общественного развития, применяя к ним свои марксистские

методы исследования, уча другие классы оглядываться назад и относиться к политическим событиям п р и н ц и п и а л ь н о, а не с точки зрения интереса минуты или успеха на несколько дней, как относится буржуазия, презирующая, собственно говоря, всякую теорию и боящаяся всякого классового анализа переживаемой истории» (Собр. соч., VIII, 225).

Метод марксизма, — говорит Ленин, — требует «и з у ч е н и я конкретных и с т о р и ч е с к и х особенностей рабочего движения в определенных странах» (Собр. соч., VIII, 341). С изучения действительности в ее конкретности, изучения исторического процесса, в результате которого сложилась данная действительность, с истории вопроса всегда начинается Ленин при решении какой-либо политической проблемы.

Изучение прошлого, осмысливание исторического опыта является для Ленина отправным пунктом при выработке тактики пролетарской партии. Только разбор опыта прошлого поможет нам ориентироваться в настоящем. В годы победы контр-революции в России (1908 — 1909 гг.) Ленин не перестает напоминать о необходимости тщательного изучения опыта революции. Из последнего он прямо выводит тактику пролетариата.

«Нельзя достаточно настаивать, — говорит Ленин, — на необходимости исследовать этот источник разногласия со всем вниманием, разобрать с указанной точки зрения опыт обеих Дум и непосредственной крестьянской борьбы. Если мы не сделаем такой работы т е п е р ь, — мы не в состоянии будем ни одного шага сделать в области тактики при следующем подъеме движения без того, чтобы возбуждать старые споры или плодить частые конфликты и рознь внутри партии. Отношение социал-демократии к либерализму и к крестьянской буржуазной демократии должно быть установлено на основании опыта русской революции» (Собр. соч., XI, 79).

Наибольшее внимание Ленина — величайшего революционера, которого знает история — привлекали ее узловые пункты, периоды крутой ломки старого, «скачков», революций. «Революция — праздник угнетенных и эксплуатируемых, — говорит он. Никогда масса народа не способна выступать таким активным творцом новых общественных порядков, как во время революции. В такие времена народ способен на чудеса с точки зрения узкой мещанской мерки постепеновского прогресса» (Собр. соч., V, 380).

Так смотрел на революцию и Маркс. «Высокая оценка революционных периодов в развитии человечества вытекает из всей совокупности исторических взглядов Маркса: именно в такие периоды разрешаются те многочисленные противоречия, которые медленно накапливаются периодами так называемого мирного развития. Именно в такие периоды проявляется с наибольшей силой непосредственная роль разных классов в определении форм социальной жизни, создаются основы политической «настройки», которая долго держится потом на базе обновленных производственных отношений».

«И, в отличие от теоретиков либеральной буржуазии, именно в таких периодах видел Маркс не уклонение от «нормального пути», не проявление социальной «болезни», не печальные результаты крайностей и ошибок, а самые жизненные, самые важные, существенные, решающие моменты в истории человеческих обществ» (VIII, 451).

Вот почему Ленин чаще всего обращается к истории великих революционных движений прошлого, вот почему он призывает тщательно изучать опыт революций современности. Важнейшая задача партии революционного пролетариата, — говорит он после поражения первой буржуазной революции в России, — есть всестороннее изучение опыта великих годов.

«На русский рабочий класс поэтому с особенной силой легла задача сохранить традиции революционной борьбы, от которой спешат отречься интеллигенция и мещанство, развить и укрепить эти традиции, внедрить их в сознание широких масс народа, донести их до следующего подъема неизбежного движения».

Но сохранить в целости революционные традиции, донести их до нового подъема можно только на основе тщательного изучения революционных периодов, соотношения классовых сил в них и применения различными классами форм борьбы. «Вся наша работа — пропаганда, агитация и организация — неразрывно связана в настоящий момент с процессом усвоения самими широкими массами рабочего класса и полупролетарского населения уроков великих трех лет, — пишет Ленин в статье «К оценке русской революции» («Пролетарий» 10 (23) — 5 1908 г.). (Собр. соч., XI, I, 82.) «Популяризация и разъяснение опыта революции, дискредитируемой либералами и ликвидаторами-интеллигентами необходимо и в теоретических и в практических целях», — пишет Ленин

в статье «На дорогу» (2, 1909, Собр. соч., XI, 1, 212). Ленин приводит замечание Маркса в одном из его писем к Кугельману, «что реакции удалось в Германии почти вытравить из народного сознания воспоминания и традиции революционной эпохи 1848 г. Здесь рельефно сопоставляются задачи реакции и задачи партии пролетариата в отношении к революционным традициям данной страны. Задача реакции — вытравить эти традиции, представить революцию, как «стихию безумия».

«Задача реакции — заставить население забыть те формы борьбы, формы организации, те идеи, те лозунги, которые в таком богатстве рождала революционная эпоха».

«Так и наши герои контр-революции, особенно из вчерашних «демократов», в роде Струве, Милюкова и Кизеветтера, соперничают друг с другом в подлом оплевывании революционных традиций в русской революции».

В то же время Ленин восстает против «некритического отношения к великой и славной революционной традиции» (Собр. соч., VIII, 320). Пример подобного отношения являют нам осмеянные Энгельсом в 1874 г. бланкисты, которые положительно боготворят коммуны, объявляя ее непогрешимой (Статьи 1871 — 1875 гг. Изд. 1919, стр. 53). Подобно Марксу и Энгельсу, Ленин подчеркивает, что опыт революций нужно изучать, пронести их традиции сквозь годы безвременья не для того, чтобы заменять анализ новой, своеобразной исторической обстановки повторением старых заученных лозунгов, продиктованных неповторяющейся более политической ситуацией.

«На русскую социал-демократию несомненно ложится обязанность самого тщательного и всестороннего изучения нашей революции, распространение в массах знакомства с ее формами борьбы, формами организации и пр., укрепление революционных традиций в народе, внедрение в массы убеждения, что единственно и исключительно революционной борьбой можно добиться сколько-нибудь серьезных и сколько-нибудь прочных улучшений, неуклонное разоблачение всей низости тех самодовольных либералов, которые заражают общественную атмосферу миазмами «конституционного» низкопоклонства, предательства и молчалинства. Один день октябрьской стачки или декабрьского восстания во сто раз больше значит и значил в истории борьбы за свободу, чем месяцы лакейских речей кадетов в Думе о безответ-

ственном монархе и монархически-конституционном строе. Нам надо позаботиться — и кроме нас некому будет позаботиться — о том, чтобы народ знал эти полные жизни, богатые содержанием и великие по своему значению и своим последствиям дни гораздо подробнее, детальнее и основательнее, чем те месяцы «конституционного удушья» и балалайкинско-молчалинского преуспeyания, о которых, при благосклонном попустительстве Столыпина и его цензурно-жандармской свиты, благовестят так усердно органы нашей партийно-либеральной и беспартийно-«демократической» (тьфу, тьфу) печати» (Собр. соч., VIII, 453).

Но далее Ленин замечает: «Одно дело — хранение традиций революции, умение использовать их для постоянной пропаганды и агитации, для ознакомления масс с условиями непосредственной и наступательной борьбы против старого общества, другое дело — повторение одного из лозунгов, вырванного из совокупности породивших его и обеспечивших ему успех условий, и применение его к условиям, существенно отличным».

«Тот же Маркс, который так высоко ценил революционные традиции и неумолимо бичевал ренегатское или филистерское отношение к ним, в то же время требовал умения мыслить от революционеров, умения анализировать условия применения старых приемов борьбы, а не простого повторения известных лозунгов» (Собр. соч., VIII, 453).

Если из истории, из анализа исторического опыта выводит Ленин тактику, отвечающую объективному положению в каждый данный момент, — то история является для Ленина, с другой стороны, и пробным камнем тактики, историей проверяется практическая политика. «Правильность лозунга революционной социал-демократии всецело подтверждена историей», — говорит Ленин о лозунге борьбы с конституционными оппозициями в период I и II Думы (Собр. соч., VIII, 445).

История, — говорит Ленин, — подтверждает правильность нашего прогноза о предательстве кадетами революции.

«Правильность выводов первой нашей революции подтверждена, таким образом, гораздо скорее, чем мы могли ожидать, и гораздо лучше: не логикой, а историей; не словами, а делами, не постановлениями эс-деков, а событиями революции» (Собр. соч., VIII).

По поводу резолюций декабрьской общепартийной конференции 1908 г. Ленин пишет в 1909 г.:

«Тактическая линия партии, которая должна суметь учесть новые условия в приемах и средствах борьбы, остается неизменной. Правильность революционно-социал-демократической тактики, — говорит одна из резолюций конференции, — подтверждена опытом массовой борьбы 1905 — 1907 гг. Поражение революции в итоге этой первой кампании обнаружило не неверность задач, «не утопичность» ближайших целей, не ошибочность средств и приемов, а недостаточную подготовленность сил, недостаточную глубину и ширину революционного кризиса, — а над углублением и расширением его Столыпин и К-о работают с самым достойным усердием» (Собр. соч., XI, 212).

История, обобщение и осмысление ее опыта есть отправной пункт для тактики, революционной практики, для «практически-критической деятельности», как ее называет Маркс в своих знаменитых тезисах о Фейербахе. В свою очередь история, исторический опыт являются критерием, пробным камнем этой тактики — таково диалектическое взаимоотношение между тактикой, революционной практикой и историческим процессом, куда она входит, как одна из движущих сил.

Глубокое знание прошлого, умение подводить итоги законченным отрезкам бытия помогло Ленину во-время подметить новое, творимое историей, и предугадывать будущее с проницательностью, граничащей с ясновидением. Марксизм, диалектический материализм, подходит ко всем явлениям с точки зрения развития — вот почему марксизм историчен по своему существу, вот почему глубоко историчен и ленинизм. Вот почему Ленин всегда изучает любое явление с точки зрения его развития, — он начинает с «истории вопроса», — в прошлом он видит ключ к пониманию настоящего, а, значит, и исходный пункт для уяснения вероятного хода развития в будущем. Выяснение происхождения какого-либо новообразования дает возможность Ленину предсказать его дальнейшую судьбу. Так обстояло дело с Советами еще в первую революцию. Он указывает на их роль, как зародышевых органов революционной власти, предвидя таким образом их судьбу в революции 1917 г. Как новые органы революционной власти, Ленин характеризует Совет Рабочих, Солдатских, Железнодорожных и Крестьянских депутатов в написанной, в марте 1906 г., брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии»: «Это были именно органы

власти, несмотря на всю их зачаточность, стихийность, неоформленность, расплывчатость в составе и в функционировании. Это были органы «диктатуры революционного народа» (Собр. соч., VII, 1, 121—2). В статье «Сердитая растерянность» (март 1907 г.) Ленин пишет: «На д е л е Советы рабочих депутатов и подобные им учреждения были органами восстания. Их сила и успех всецело зависели от силы и успеха восстания. Их возникновение только тогда было не комедией, а подвигом пролетариата, когда нарастало восстание. При новом подъеме борьбы, при переходе ее в эту фазу, неизбежны и желательны, конечно, подобные учреждения. Но их историческое развитие должно заключаться не в схематическом продолжении местных Советов Рабочих Депутатов до всероссийского рабочего съезда, а в превращении зачаточных органов революционной власти (именно такими органами были Советы Рабочих Депутатов) в центральные органы победившей революционной власти, в Революционное Временное Правительство. Советы Рабочих Депутатов и их объединение необходимы для победы восстания. Победившее восстание неминуемо создает и н ы е органы» (Собр. соч., VIII, 320).

«Октябрьско-декабрьский период 1905 г. Ленин называет периодом «междувластия», когда старая власть была уже обессилена, а новая революционная власть народа (Советы Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов и пр.) еще недостаточно сильна для полной замены старой власти» («Против бойкота», июнь 1907 г. Собр. соч., VIII, 437).

Бросается в глаза сходство с термином «двоевластие», которым Ленин охарактеризовал режим, установившийся в России после февральской революции.

«В чем состоит «двоевластие»? В том, что рядом с временным правительством, правительством буржуазии, сложилось еще слабое, зачаточное, но все-таки несомненно существующее на деле и растущее, другое п р а в и т е л ь с т в о — Советы Рабочих и Солдатских Депутатов (Собр. соч., XIV, 1, 24). Но... дальше сосуществования двух властей — старой и новой — сходство между Россией X — XI — 1905 и III — V — 1917 г. не идет, ибо в 1905 г. Советы резко выступали против старой, царской, власти, работая над ее низвержением, а в 1917 г. временное правительство «держится прямыми и косвенными формами и фактическим смещением с Советами Рабочих Депутатов и главным Сове-

том—Питерским—прежде всего... Оно опирается на поддержку буржуазии вторым правительством, Советом Рабочих Депутатов» (Собр. соч., XIV, I, 26).

Ленинский историзм, однако, как небо от земли, далек от вульгарной апологетики буржуазной историографии, преклоняющейся перед фактом, раз он совершился.

«Объективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях», материалист говорит о том классе, который «заведует данным экономическим порядком», создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом, материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, какой именно класс определяет эту необходимость.

«С другой стороны, материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке событий прямо открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы» (II, 65). И в декабре 1906 г., полемизируя с г. Лариным в статье «Кризис меньшевизма», Ленин подчеркивает отличие революционного диалектического материализма от оппортунизма объективных «историков». Он ссылается при этом на слова Маркса о Прудоне в предисловии к «18 брюмера». «Прудон пытается представить государственный переворот, как результат предшествующего исторического развития. Незаметно для него самого историческая конструкция государственного переворота превращается в историческую апологию героев государственного переворота. Он впадает, таким образом, в ошибку наших так называемых объективных историков.

«Напротив,—говорит Маркс,—я показываю, каким образом классовая борьба во Франции создала обстоятельства и

условия, позволившие посредственному и вульгарному персонажу разыграть роль героя».

Ленин замечает по этому поводу, что для революционного марксизма трезвый учет действительного положения вещей не означает примирения с действительностью.

«Марксист не зарекается от подзаконной борьбы, от мирного парламентаризма, от «планомерного» подчинения рамкам исторической работы, определенным Бисмарками и Геннингсенами, Столыпинными и Милюковыми. Но марксист, используя всякую, даже реакционную, почву для борьбы за революцию, не опускается до апофеозов реакции, не забывает о борьбе за наилучшую возможную почву деятельности. Поэтому марксист первый провидит наступление революционной эпохи и начинает будить народ и звонит в колокол еще тогда, когда филистеры спят рабским сном верноподданных. Поэтому марксист первый вступает на путь прямой революционной борьбы, идет к непосредственной схватке, разоблачая примиренческие иллюзии всяких социальных и политических межеумков. Поэтому марксист последний покидает путь непосредственно-революционной борьбы, покидает лишь тогда, когда исчерпаны все возможности, когда нет и тени надежды на более короткий путь, когда призыв готовиться к массовым стачкам, к восстанию и т. п. теряет всякую почву. Поэтому марксист отвечает презрением тем бесчисленным ренегатам революции, которые кричат ему: «мы прогрессивнее тебя, мы раньше отказались от революции. Мы раньше подчинились монархической конституции» (VIII, 41).

Но Ленин не только, как никто другой, умел учитывать уроки истории, которая делается, истории современной; мало того, что он схватывал с поразительной глубиной по ничтожным признакам, неуловимым для других, сущность текущего момента, — он широко привлекал для освещения путей, стоящих перед рабочим классом, и мировой исторический опыт. Творения Ленина свидетельствуют о глубоком изучении истории революционных движений Запада; он оставил нам ряд блестящих характеристик революционных эпох в развитии человечества. Из истории буржуазных революций Ленин умеет черпать поучения для революции пролетарской. У американцев, поднявших в 1776 г. знамя восстания против английских порабощателей за независимость своей родины, Ленин

учится необходимости компромиссов и соглашений с отдельными группами реакционного класса для освобождения передового класса. Разъясняя в 1918 г., в письме «к американским рабочим», необходимость компромисса — заключения Брестского мира в интересах русской и международной революции — Ленин напоминает, что «американский народ давно применил, и с пользой для революции, эту тактику; когда он вел свою великую освободительную войну против угнетателей-англичан, против него стояли также угнетатели французы и испанцы, которым принадлежала часть теперешних Соединенных Штатов Северной Америки. В своей трудной войне за освобождение американский народ заключал также соглашения с одними угнетателями против других, в интересах ослабления угнетателей и усиления тех, кто революционно борется против угнетения в интересах масс угнетенных. Американский народ использовал разнь между французами и англичанами; он сражался даже иногда вместе с войсками угнетателей — французов и испанцев — против угнетателей — англичан, он победил сначала англичан, а потом освободился (частью при помощи выкупа) от французов и от испанцев» (Собр. соч., XV, 408).

История Германии в начале прошлого века приводится Лениным как доказательство возможности и полезности той передышки, какую купила себе у германского империализма Советская Россия ценою Брестского мира.

«Кто хочет учиться у уроков истории, не прятаться от ответственности за них, не отмахиваться от них, тот вспомнит хотя бы войны Наполеона I с Германией.

«Много раз Пруссия и Германия заключали с завоевателем в д е с я т е р о более тяжелые и унижительные (чем наш) мирные договоры, вплоть до признания иноземной полиции, вплоть до обязательства давать свои войска на помощь завоевательным походам Наполеона I. В своих договорах с Пруссией Наполеон I терзал и дробил Германию вдесятеро сильнее, чем Гинденбург и Вильгельм придавили нас теперь. И, тем не менее, в Пруссии находились люди, которые не фанфаронили, а подписывали архи-«позорные» мирные договоры, подписывали их в силу неимения армии, подписывали вдесятеро более угнетательские и унижительные условия, а потом в с е ж е поднимались на восстание и на войну. Так было не раз, а много раз. История знает таких

несколько мирных договоров и несколько войн. Несколько случаев передышки. Несколько новых объявлений войны завоевателем. Несколько случаев союза угнетенной нации с угнетающей, которая была конкурентом завоевателя и такой же завоевательницей (к сведению сторонников «революционной войны» без взятия помощи от империалистов!).

«Так шла история.

«Так было. Так будет. Мы вступили в эпоху ряда войн. Мы идем к новой отечественной войне. Мы придем к ней в условиях назревающей социалистической революции. И на этом тяжелом пути русский пролетариат и русская революция сумеют излечиться от фанфаронства, от революционной фразы, сумеют принимать и архи-тяжкие мирные договоры, сумеют подниматься снова.

«Мы заключили Тильзитский мир. Мы придем и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807 — 1810 гг. пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 гг. Расстояние, отделяющее наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее.

«Долой фанфаронство! За серьезную работу дисциплины организации!» (Собр. соч., XV, стр. 119 — 120).

Ленин хотел и умел «учиться у уроков истории», — этим в не малой мере и объясняются его беспримерные в истории международного рабочего движения достижения, как политика революционного пролетариата.

Из опыта великой французской революции Ленин черпает доказательство необходимости диктатуры угнетенного класса в его борьбе за освобождение. Кадеты и меньшевики пытались запугать рабочий класс якобинством; Ленин не устает указывать на пример якобинской Франции 1793 г. В статье «Можно ли запугать рабочий класс якобинством?» («Правда», 24-VI 1917 г.) Ленин пишет: «Историки буржуазии видят в якобинстве падение («скатиться вниз»). Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших подъемов угнетенного класса в борьбе за освобождение. Якобинцы дали Франции лучшие образцы демократической революции и отпора коалиции монархов против республики. Полной победы не суждено было завоевать якобинцам, главным образом, потому, что Франция XVIII века была окружена на кон-

тиненте слишком отсталыми странами, и потому, что в самой Франции не было материальных основ для социализма, не было банков, синдикатов капиталистов, машинной индустрии, железных дорог.

«Якобинство в Европе или на границе Европы и Азии в XX веке было бы господством революционного класса, пролетариата, который, поддержанный беднейшим крестьянством и опираясь на наличность материальных основ для движения к социализму, мог бы не только дать все то великое, неискоренимое, незабываемое, что дали якобинцы XVIII века, но и привести во всемирном масштабе к прочной победе трудящихся» (Собр. соч., XVI, 1, 287).

Из анализа условий победоносной революционной войны во Франции 1792 — 1794 гг. Ленин почерпает данные для доказательства невозможности революционной войны в России в начале 1918 г. В статье «О революционной фразе» (21-II 1918 г.) Ленин пишет:

«Во Франции в конце XVIII века создалась сначала экономическая основа нового, высшего, способа производства, и уже результатом, надстройкой являлась могучая революционная армия. Франция раньше других стран скинула феодализм, смела его после нескольких лет победоносной революции, повела не уставший ни от какой войны, завоевавший свободу и землю, укрепленный устранением феодализма народ на войну против ряда экономически-политически отсталых народов».

«Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа «чудес» 1792 — 1793 гг. в военной области.

«Мелко-крестьянская страна, голодная и измученная войной, только-только начавшая лечить свои раны, против технически и организационно высшей производительности труда, — вот объективное положение в начале 1918 г.» (Собр. соч., XV, 102 — 3).

Чаще всего обращается Ленин в период первой русской буржуазной революции 1905 — 1907 гг. к опыту незаконченной германской революции 1848 — 1849 гг. В своей критике меньшевизма, упорно, вопреки историческому опыту, твердившего о буржуазии, как вожде революции, он опирается на данный Марксом анализ хода революционной борьбы и контр-революционной роли в ней германской буржуазии. На III съезде пар-

тии Ленин делает доклад об участии социал-демократии во Временном Революционном Правительстве. «Возможно и у нас повторение событий 48 — 50 гг. (в Германии. В. Б.), т.-е. самодержавие будет не свергнуто, а ограничено и превратится в конституционную монархию» — говорит Ленин (Собр. соч., VI, 171) и разбирает затем подробно позицию Маркса и Энгельса в революции 1848 г. Так, доклад его по боевому политическому вопросу целиком основан на историческом материале, относящемся к опыту европейских революций. Анализу хода германской революции 1848 г. и оценке ее Марксом посвящен и последний, третий раздел послесловия к «Двум тактикам социал-демократии в демократической революции» (Собр. соч., VI, 393, 401), этой классической работе по тактике большевизма в 1905 г. Ленин цитирует (VIII, 284 — 5, 385) «*Neue Rheinische Zeitung*» от 29 июня 1848 г.

Немецкая революция 1848 г. есть лишь пародия французской революции 1789 г.»

«4 августа 1789 г., три недели спустя после взятия Бастилии, французский народ осилил в один день все феодальные повинности.

«11 июля 1848 г., четыре месяца спустя после мартовских баррикад, феодальные повинности осилили немецкий народ.

«Французская буржуазия 1789 г. ни на минуту не покидала своих союзников-крестьян; она знала, что основой ее господства было уничтожение феодализма в деревне, создание свободного земледельческого крестьянского класса.

«Немецкая буржуазия 1848 г. без всякого зазрения совести предает крестьян, своих самых естественных союзников, которые представляют из себя плоть от ее плоти, и без которых она бесильна против дворянства.

«Сохранение феодальных прав, санкционирование их под видом (иллюзорного) выкупа — таков результат немецкой революции 1848 г. Гора родила мышь».

«Это очень поучительное место, которое дает нам четыре важных положения: 1) Неоконченная немецкая революция отличается от оконченной французской тем, что буржуазия изменила не только демократизму вообще, но, в частности, и крестьянству. 2) Основой полного осуществления демократического переворота является создание свободного класса крестьянства. 3) Создание такого класса есть уничтожение феодальных повин-

ностей, разрушение феодализма — отнюдь еще не социалистический переворот. 4) Крестьяне — самые естественные союзники буржуазии, именно демократической буржуазии, без которых она бессильна против реакции.

«С соответствующими изменениями конкретных национальных особенностей, с подстановкой крепостничества на место феодализма, все эти положения целиком применимы к России 1905 г. Несомненно, что, извлекая уроки опыта в Германии, освещенного Марксом, мы не можем прийти ни к какому иному лозунгу решительной победы революции, кроме: революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства. Несомненно, что главными составными частями того «народа», который Маркс противопоставлял в 1848 г. сопротивлявшейся реакции и предательской буржуазии, являются пролетариат и крестьянство. Несомненно, что у нас в России либеральная буржуазия и господа освобожденцы предадут и предадут крестьянство, т.-е. отделаются лжереформой, встанут на сторону помещиков в решительной борьбе между ними и крестьянством. Только пролетариат способен поддерживать крестьянство до конца в этой борьбе» (Собр. соч., VI, 397 — 98).

В марте 1907 г. Ленин возвращается к той же теме: «Кто хочет посоветоваться с Марксом о задачах пролетариата в буржуазной революции, тот должен взять суждения Маркса, относящиеся именно к эпохе немецкой буржуазной революции. И недаром так боязливо обходят эти суждения меньшевики. В этих суждениях мы видим самое полное, самое яркое выражение той беспощадной борьбы с о г л а ш а т е л ь с к о й буржуазией, которую ведут русские «большевики» в русской буржуазной революции.

«Во время немецкой буржуазной революции Маркс считал основной задачей пролетариата — доведение революции до конца, завоевание руководящей роли пролетариатом, разоблачение предательства «соглашательской» буржуазии, вырывание народных масс, и особенно крестьянства, из-под влияния этой буржуазии. Это—исторический факт, замалчивать или обходить который могут только всеу приемлющие имя Маркса» (Собр. соч., VIII, 284).

В речи на Лондонском съезде 1907 г. Ленин возражает Церетели, который ссылаясь на историю Европы. «1848 г., — говорил он, — научил нас не только тому, что не созрели еще условия

для социализма, но и тому, что за свободу нельзя бороться без того или иного союза с буржуазной демократией». Этот вывод т. Церетели есть чистейший ревизионизм. Напротив, и революция 1848 г. и последующий исторический опыт научили международную социал-демократию как раз обратному, именно—что буржуазная демократия все более становится против пролетариата, что борьба за свободу ведется только там последовательно, где пролетариат руководит ею. Не союзам с буржуазной демократией учит 1848 г., а необходимости высвободить последние степени развития слои народных масс из-под влияния буржуазной демократии, неспособной бороться даже за демократию» (Собр. соч., VIII, 385).

Опираясь на опыт предательства интересов пролетариата мелкобуржуазной демократией во французской революции 1848 г., Ленин изобличает соглашательскую роль наших меньшевиков и эс-эров в революции 1917 г.

«Французский социалист Луи-Блан в революцию 1848 г. печально прославил себя тем, что с позиции классовой борьбы перешел на позицию мелкобуржуазных иллюзий, прикрашенных фразеологией якобы «социализма», а на деле служащих лишь укреплению влияния буржуазии на пролетариат. Луи Блан ждал помощи от буржуазии, надеялся и возбуждал надежды, будто буржуазия может помочь рабочим в деле «организации труда» — этот неясный термин должен был выражать «социалистические стремления».

«Луиблановщина одержала теперь полную победу в «социал-демократии» правого фланга, — партии ОК в России, Чхеидзе, Церетели, Стеклов и мн. др., ныне являющиеся вождями Петроградского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, бывшие также вождями Всероссийского Совецания Советов, закончившегося на-днях, заняли именно позицию Луи-Блана.

«Во всех главных вопросах современной политической жизни эти вожди, стоящие на точке зрения приблизительно международного течения «центров» Каутского, Лонге, Турати и мн. др., оказались именно на мелкобуржуазной позиции Луи-Блана. Возьмите вопрос о войне» (Собр. соч., XIV, I, 21).

В предисловии к русскому переводу «Писем Карла Маркса к Кугельману» Ленин указывает, что для русского социалиста в 1907 г. это знакомство с ними «вдвойне необходимо, ибо оно дает

массу самых ценных указаний на непосредственные задачи социалистов во всех и всяких переживаемых его страной революциях. Россия именно теперь переживает «великий переворот». Политика Маркса в сравнительно бурные 1860 годы очень и очень часто должна служить прямым образцом для политики социал-демократа в современной русской революции» (Собр. соч., VIII, 190).

Так высоко ценил Ленин практическое значение истории. Он принадлежал к числу тех, по выражению столь ценимого Марксом гениального французского романиста, Бальзака, «которые провидят будущее, судя по прошлому». («Une ténébreuse affaire»).

Публикуя в «Правде» от 24/II 1918 г. «Тезисы о мире», прочтенные 8/I 1918 г. «перед собранием около 60 виднейших питерских работников нашей партии», Ленин замечает: «теперь не до истории, могут сказать, пожалуй. Да, если неразрывной непосредственной практической связи прошлого с настоящим по известному вопросу нет, тогда допустимо утверждение подобного рода». (XV, 109.) Но эта связь в данном случае имела, и поэтому Ленин и считает возможным вернуться «к истории вопроса о несчастном мире» — так он озаглавил вышеприведенные строки — даже в такие архи-тяжелые для революции дни, которые Советская власть переживала в конце февраля 1918 г. «Неразрывная непосредственная практическая связь прошлого с настоящим» вызывает необходимость обращения к историческому опыту для политики. Исходя из «практической связи прошлого с настоящим» Ленин ценит историю и ее уроки. Приступая к отчету ЦК на IX съезде РКП 29/III 1920 г., Ленин «позволяет себе вместо обзора хронологического... остановиться на главных, наиболее существенных моментах, притом тех, которые связывают опыт вчерашнего дня, вернее, пережитого года с задачами, которые перед нами стоят» (курсив наш). Правда, — замечает Ленин, — «для истории Советской власти время еще не настало. Если бы и настало, то мы, скажу за себя — думаю, и за ЦК. — историками быть не собираемся, а интересуем нас настоящее и будущее. Прошлый отчетный год мы берем как материал, как урок, как подножку, с которой мы должны ступить дальше (Собр. соч., XVII, 63). И как никто иной, Ленин умел использовать прошлое как материал, как урок для дальнейшего движения.

Опытгом Парижской Коммуны Ленин освещает всемирно-историческое дело, начатое под его руководством партией русского пролетариата в 1917 г. Если он так много извлек из изучения истории буржуазных революционных движений для правильной ориентации пролетариата в двух буржуазных революциях 1905 г. и 1917 г., то Коммуна — первый опыт диктатуры пролетариата — вдохновляла Ленина в 1917 г., когда он вел на бой российских пролетариев против Бастилии капитализма. «Советы — власть того же типа, какую была Парижская Коммуна 1871 г.», — пишет Ленин в апреле 1917 г. (Собр. соч., XIV, I, 24). «Зачатком Советской власти» называет Коммуну Ленин в своем докладе на III Всероссийском Съезде Советов в январе 1918 г. «Русские революции 1905 — 1917 гг. в иной обстановке, при иных условиях продолжают дело Коммуны» (Собр. соч., XIV, 2, 342). Если во II Интернационале «опыт Коммуны был не только забыт, но извращен» (Собр. соч., XIV, II, 395), то Ленин устанавливает действительное значение Коммуны во всемирной истории, как попытки уничтожения государственного аппарата буржуазии и замены его «самоуправляющейся массовой организацией рабочих». «Парижская Коммуна сделала на этом пути первый всемирно-исторический шаг, а Советская власть — второй» (Собр. соч., XVI, 38). «Будем учиться у коммунаров революционной смелости», — призывает Ленин накануне Октября в своем классическом труде «Государство и Революция» (Собр. соч., XIV, 2, 393). Сравнение с Парижской Коммуной помогает Ленину нащупать источник несокрушимой силы Советской власти в России. Смысла и цели Коммуны не знало «громадное большинство крестьян во Франции» (Собр. соч., XV, 73), тогда как рабочее правительство в России имеет прочную опору в союзе рабочих и крестьян.

История учит Ленина революционной постановке вопроса о диктатуре. В тезисах «о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата», представленных им 4-III 1919 г. первому Конгрессу Коминтерна (Собр. соч., XVI, 37), мы читаем:

«История нас учит, что еще никогда угнетенный класс не получал и не мог получить власти без предшествовавшего периода диктатуры, т.-е. без завоевания политической власти и насильственного прекращения самого отчаянного, дикого, не отступающего ни перед каким преступлением, сопротивления, которое

эксплоататоры всегда оказывают. Сама буржуазия, власть которой теперь защищается социалистами, высказывающимися за «демократию вообще», получила свою власть в цивилизованных странах благодаря целому ряду восстаний, гражданских войн, насильственному свержению королевской власти, феодальных рабовладельцев и подавлению попыток реставрации.

«Примером требований «чистой демократии» может служить и свобода собраний». Всякий сознательный рабочий, который не порвал со своим классом, сразу поймет, что было бы нелепостью обещать эксплуататорам право свободы собраний в такой момент и при таком положении, когда они могут противодействовать своему низвержению и защищать свои привилегии. Буржуазия, когда она была революционной, не разрешала ни в Англии в 1648 г., ни во Франции в 1793 г. монархистам и дворянам свободно собираться, когда они призывали в страну иноземные войска и «собирались», чтобы организовать попытку реставрации. Если теперешняя буржуазия, давно уже ставшая реакционной, требует у пролетариата, чтобы он заранее поручился, что эксплуататорам, не взирая на то, каким образом капиталисты будут сопротивляться при отчуждении их имущества, будет «дана свобода собраний», то рабочие будут лишь насмеяться над таким лицемерием буржуазии» (Собр. соч., XIV, 37 — 39).

В статье «К истории вопроса о диктатуре» Ленин называет «вопрос о диктатуре пролетариата» «коренным вопросом современного рабочего движения во всех без исключения капиталистических странах». Вслед за этим он прибавляет: «для полного выяснения этого вопроса необходимо знать его историю (разр. наша)». Учение марксизма о диктатуре строится на основе опыта истории революционных движений. «Это разумеется самое важное — история всех революций угнетенного и эксплуатируемого класса против эксплуататоров является самым главным материалом и источником наших знаний по вопросу о диктатуре. Кто не понял необходимости диктатуры любого революционного класса для его победы, тот ничего не понял в истории революции или ничего не хочет знать в этой области» (разр. всюду наша).

«Самое важное значение» для решения вопроса о диктатуре «имеет, конечно, опыт революции, т. е. в России, опыт 1905 года». Опыт 1905 года, три последние месяца которого характеризуются соединением двух наиболее могучих примеров революционной борьбы — массовой политической стачки и вооруженного восстания—имеет мировое значение для всех (разр. Ленина) пролетарских революций. И большевики со всем вниманием и усердием изучали этот опыт как с его политической стороны, так и со стороны экономической» (Собр. соч., XVII, 349 — 350).

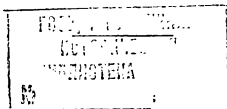
В период 1917 — 1922 г.г. Ленин сравнительно реже обращается к опыту истории революционных движений Европы, ибо начавшаяся в России пролетарская революция не имеет себе аналогий в мировой истории, если не считать раздавленной «псами и свиньями» старого общества Парижской Коммуны. Ленин не устает подчеркивать своеобразие русской революции, отсутствие у нее прецедентов, — он смеется над теми педантами от марксизма, которые читали книжки про прежние революции, но не умеют понять социалистической революции, когда она наступила. В замечательной статье «О нашей революции» (по поводу записок Н. Суханова; Собр. соч., XVI, 1, 1923)¹ Ленин подчеркивает то новое, что должно было сказаться в нашей революции, то обстоятельство, что в России «осуществляется иной переход к созданию основных посылок цивилизации, чем во всех остальных западно-европейских государствах» (Собр. соч., XVIII, 2, 117 — 119).

Глубокое историческое чутье Ленина проявлялось в его способности схватывать, подмечать в историческом процессе то новое, своеобразное, оригинальное, чем данная стадия развития и отличается от предшествовавших его фаз. Он говорит о «старых большевиках», которые не раз уже играли печальную роль в истории нашей партии, повторяя бессмысленно з а у ч е н н у ю (курсив Ленина) формулу вместо и з у ч е н и я своеобразия н о в о й (курсив наш) живой действительности» (Собр. соч., XIV, 1, 28). Свообразие новых фаз истории отлично улавливал Ленин. Здесь

¹ Т. Бухарин справедливо назвал эту небольшую статью «теоретическим бриллиантом».

лежит наиболее характерная особенность его гения и ключ к его беспрецедентным практическим успехам.

«Практическая история» большевизма, — говорит Ленин, — по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террористического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества» («Детская болезнь левизны»; Собр. соч., X^{VII}, 119 — 120). Необычайно богатый опыт истории большевизма Ленин изучал, обобщал, подытоживал, осмысливал в течение всей своей жизни. Он сам был одним из деятелей этой истории, — и при этом наиболее крупным. Но Лениным обобщен опыт не только истории русского большевизма. Весь опыт последних десятилетий развития не одной России, а и всего мира, — десятилетий господства империализма, всевластия банков, трестов и синдикатов, горячки вооружений, борьбы за колонии и за передел мира, войн империалистических и гражданских, обострения борьбы классов, национальных и социалистических революций — вся необычайно бурная и богатая содержанием эпоха новейшей истории обобщена и осмыслена с точки зрения марксизма в творениях Ленина. Вот почему ленинизм есть *summa summaum* новейшей истории; факел ленинизма освещает нам своим ярким светом мировые события первой четверти XX века. Если для уяснения истории Европы во вторую половину XIX столетия лучшее, что мы имеем — это труды Маркса и Энгельса, то судьбы человечества в первые десятилетия XX века мы поймем лишь по сочинениям Ленина.



ЛЕНГИЗ ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА

ЛЕНИНГРАД, ДОМ КНИГИ, Просп. 25 Октября, 28. Тел. 132-44, 570-14.
МОСКВА, Тверская, 51. Тел. 3-92-07, 4-90-35.

Серия „ЛЕНИНСКАЯ БИБЛИОТЕКА“

Сочинения В. И. ЛЕНИНА.

- В последний раз на партийном съезде. — Доклад В. И. Ленина на XI Съезде Р.К.П. (б.) Стр. 92. Ц. 24 к.
- Ленин, В. И. — Армия и революция. Стр. 187. Ц. 35 к.
- Ленин, В. И. — Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата (1919 г.). Стр. 35. Ц. 10 к.
- Ленин, В. И. — 9-е Января. Стр. 31. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — Задачи пролетариата в нашей революции (1917 г.). Проект платформы пролетарской партии. Стр. 55. Ц. 15 к.
- Ленин, В. И. — Задачи союзов молодежи. Изд. 3-е. Стр. 28. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — Карл Маркс. Его жизнь и ученье. (Биографический очерк.) Изд. 3-е. Стр. 46. Ц. 12 к.
- Ленин, В. И. — К деревенской бедноте. Предисловие В. Миллютина. Стр. 86. Ц. 20 к.
- Ленин, В. И. — Лучше меньше, да лучше. Стр. 30. Ц. 5 к.
- Ленин, В. И. — О войне и задачах пролетариата. Стр. 67. Ц. 24 к.
- Ленин, В. И. — О карикатуре на марксизм и об „империалистическом экономизме“. Изд. 3-е. Со вступит. статьей Г. Зиновьева „Ленин и национальный вопрос“. Стр. 103. Ц. 24 к.
- Ленин, В. И. — О кооперации. Стр. 40. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — О „левом“ ребячестве и о мелко-буржуазности. Стр. 40. Ц. 10 к.
- Ленин, В. И. — О Льве Толстом. Стр. 22. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — О международной революции. Стр. 61. Ц. 15 к.
- Ленин, В. И. — О мелко-буржуазных партиях. (Речь на собрании партийных работников 27 ноября 1918 г.) Стр. 23. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — О национальном вопросе. Изд. 2-е. Стр. 63. Ц. 15 к.
- Ленин, В. И. — О Парижской Коммуне. Стр. 100. Ц. 20 к.
- Ленин, В. И. — О продовольственном налоге. (Значение новой политики и условия.) Изд. 2-е. Стр. 63. Ц. 15 к.
- Ленин, В. И. — О работе в деревне. Стр. 54. Ц. 15 к.
- Ленин, В. И. — О революции 1905 года. Стр. 68. Ц. 15 к.
- Ленин, В. И. — О революционной фразе (1918 г.). Стр. 16. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — О революционном подъеме 1912—1914 г.г. Стр. 40. Ц. 12 к.
- Ленин, В. И. — Пацифизм буржуазный и пацифизм социалистический. Редакция и предисловие Л. Б. Каменева. Стр. 32. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — Письма издалека. Стр. 60. Ц. 12 к.
- Ленин, В. И. — Пролетарская революция и ренегат Каутский. Стр. 166. Ц. 30 к.
- Ленин, В. И. — Речи на II и III Съездах Р.С.-Д.Р.П. (Период раскола.) Стр. 88. Ц. 20 к.
- Ленин, В. И. — Советская власть и положение женщин. Изд. 2-е. Стр. 19. Ц. 8 к.
- Ленин, В. И. — Социализм и религия. Стр. 43. Ц. 12 к.
- Ленин, В. И. — Статьи и речи о профессиональных союзах. Стр. 166. Ц. 40 к.
- Ленин, В. И. — Удержат ли большевики государственную власть (1917 г.). Стр. 67. Ц. 18 к.
- Ленин, В. И. — Цель борьбы пролетариата в нашей революции (1903 г.). Стр. 43. Ц. 12 к.
- Мысли Ленина об экономической политике. Изд. 3-е. Стр. 64. Ц. 15 к.
- Мысли Ленина о задачах просвещения. Стр. 67. Ц. 18 к.